

Пролог

Потные руки нежно впивались в Машины плечи. До чего невыносимо иногда быть шестнадцатилетней красавицей! Приходится терпеть все эти страсти-мордасти. В такие минуты Машке страшно хотелось записаться в бабки-ежки и быть навеки избавленной от похотливых домогательств.

— Любимая!

Перегар, разящий из оскаленной пасти лжекузена, придал последующей речи Марии должную естественность.

— Убери руки, ты мне противен, — презрительно скривилась юная аристократка. Девушка не боялась. Этот тип слишком опасался ее отца, чтобы посметь обидеть ее. — Подумай, что ты делаешь, и тебе самому станет стыдно!

— Я люблю тебя, — он все еще не разжимал объятий.

Мария отклонилась от разинутого рта, жадно ищущего ее губы. В обнажившейся расщелине между передними верхними зубами лжекузена красовалась отвратительная пломба, покрытая желто-коричневым налетом.

«Боже, о чем я думаю?» — мысленно выругала себя Мария, а вслух сказала совсем другое.

— Нет, — с достоинством отчеканила она, глядя прямо в глаза своему преследователю, — ты любишь не меня, а свою любовь ко мне. Это совсем другое. Кроме того, я все равно никогда не смогу ответить тебе взаимностью.

Не стоило питать надежды, что словам шестнадцатилетней прелестницы кто-то придаст особенное значение. Липкие объятия лишь окрепли. Маша рванулась из всех сил, развернулась и гордо бросилась прочь. Вышло красиво и в то же время без тени кокетства. Правильно вышло. Очень хорошо.

— Любимая! — тоном умирающего канючил отвергнутый. — Я люблю тебя...

Маша, не оборачиваясь, исчезла за одиноко торчащим среди зелени углом отцовского особняка.

— Люблю тебя, — пьяный лжекузен демонстративно заплакал, жадно вдыхая оставшийся на кончиках его пальцев запах Машиного пота, — я люблю тебя... Убью тебя! Убью, дрянь ты эдакая...

Вжавшись в хрупкую стену, Мария тяжело дышала и нарочито мощно вздымала грудь. В глубине ее зеленоватых глаз вдруг сверкнули лукавые изумрудинки.

«Хм... — в мыслях молниеносно созрел план. — А ведь это идея! Этим просто нельзя не воспользоваться».

Мария решила впредь быть с лжекузеном поприветливее. Псих он или не псих — какая разница, если речь идет о пользе дела. И, хотя губы ее, конечно, кричали должное «Отец! Друзья! Помогите!», мозг лихорадочно оценивал происходящее и прикидывал, как бы так развернуться к лжекузену, чтобы выглядеть в его глазах поэффектнее.

Глава первая

о вреде посторонних блондинок повествующая

Нехорошее предчувствие настигло меня во сне.

Обычно на даче у родителей я спала замечательно. Особенно когда этих самых родителей там не наблюдалось. Сейчас обстоятельства складывались как раз весьма благоприятным образом. Вот уже три дня, как мы с Георгием забросили все дела и отправились в отпуск на дачу, дабы посвятить недельку друг другу и красотам осенней природы. Зря говорят, мол, наш город — большая деревня. По части возможности повстречать знакомых в самых непредсказуемых и нежелательных местах — да. А вот по части загазованности воздуха или вечного городского шума — ни капельки.

Так, кстати, считаем не только мы. Друг нашей семьи и мой личный сосед по бывшей городской квартире — двадцатипятилетний шалопаи Артем, — едва слышав о даче, тут же заканючил, умоляя взять его с собой. И Георгий — что возьмешь с человека, которому страшно льстит роль мудрого наставника, — разумеется, согласился.

Впрочем, наличие гостя, как ни странно, не омрачило нам прелесть отдыха. Обычно взбалмошный, на даче Тема стал покладистым и кротким. Признаться, мы с Георгием

на правах почти десятилетнего старшинства ощущали ответственность за парня и потому насторожились от подобной перемены. Но оказалось, что Тема просто недавно имел сердечные раны — то ли он кого-то там бросил, то ли его (из эмоциональной, наполненной современным сленгом речи парня трудно было что-то понять), — а в системе его ценностей спокойная неделя с нами представляла собой отличный фон для полноценного душевного страдания.

В общем, поводов для беспокойства в ту ночь у меня не было ровно никаких. И надо ж было появиться этому ужасному предчувствию.

Не вполне понимая, что делаю, я щелкнула выключателем, подошла к окну, отодвинула штору и остолбенела.

Мой третий муж (а к этому времени я имела глупость скрепить свои отношения с Георгием Собаневским печатью в паспорте) стоял на самом освещенном месте двора и сжимал в объятиях возмутительно изящную полуголую блондинку. Надо заметить, я тоже была блондинкой, но, вместо того чтоб обрадоваться (поскольку мужу, выходит, действительно нравится мой типаж), отчетливо ощутила приступ негодования.

Завидев в окне мой сонный силуэт, Жорик ничуть не смутился, а, напротив, явно обрадовался. Он призывно замахал свободной рукой. Такое могло присниться только в самом идиотическом кошмаре. Я уверилась, что еще сплю, и вернулась в постель.

«Стоп! — быстро заговорил внутри меня здравый смысл. — Если то, что в окне, — это сон, то где же сейчас, спрашивается, настоящий Жорик?»

Не открывая глаз, я пошарила рукой по кровати. Ну уж нет! С подобными искривлениями реальности я была категорически не согласна. Второй раз я подходила к окну уже вполне осознанно, сжимая в руке увесистую вазу и намереваясь швырнуть ее в головы издевающимся надо мной миражам. Если они — плод моего больного воображения, то, понятно дело, тут же испарятся. Если нет — поделом! В конце концов, лучше знать ужасную правду, чем утешаться гадкой ложью.

Картина за окном практически не изменилась. Правда, свободной рукой Жорик при этом гладил мобильник и бормотал в него оскорбительно нежное:

— Дорогая! Возьми же трубку! Дорогая!

«У него еще и третья есть? Небось, тоже блондинка!» — успела возмутиться я, прежде чем осознала, что еще вечером перевела телефон в бесшумный режим, а значит, звонить Жорик вполне мог и мне. Несколько секунд я решала, обижена ли я настолько, чтобы не брать трубку, но любопытство оказалось сильнее.

— Катерина! — с укором набросился на меня муж. — Ты выйдешь, чтобы мне помочь, или я буду так стоять до рассвета?

— Тебе еще и помогать нужно?! — не определившись, с чего именно начать скандал, поинтересовалась я. — Сам уже не справляешься?

— Конечно, — невозмутимо согласился Георгий, — на то мы и семья, чтобы все невзгоды и радости делить напополам. Совершать акты взаимопомощи, так сказать...